

Юрий Снопов

Москва, Россия

БЕЖЕНЦЫ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ И ЕВРЕЙСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В МОСКВЕ В 20-е гг. XX в.

Первая мировая война привела к огромным переменам в жизни евреев. Военные действия в местах их проживания и массовые выселения из прифронтовой полосы (Ковенская и большая часть Курляндской губернии), проводимые российскими военными властями весной 1915 г., породили огромное количество беженцев, хлынувших на восток. Центральные области России впервые в своей истории столкнулись с таким большим количеством евреев, многие из которых не знали русского языка и были чужды массе русского народа по своему облику и поведению.

В августе 1915 г. евреям было официально разрешено проживание на всей территории Российской империи, кроме обеих столиц, областей Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, а также курортов, где отдыхала царская семья. *Черта оседлости фактически прекратила свое существование. Москва, где проживание большинства категорий евреев по-прежнему было запрещено, служила одним из главных перевалочных пунктов, откуда беженцы отправлялись дальше, в глубь страны. Многие из этих людей оседали в Московской губернии, возможно, с надеждой в будущем оказаться в Москве. Некоторым же удавалось остаться, несмотря на запрет, в самой столице.

Выходцы из Прибалтики, в основном представители небогатых слоев населения, оказались в городе, основу еврейской общины которого составляли миллионеры и люди с высшим образованием. Несмотря на то, что многие представители старой общины, как и большинство приезжих, были *митнагедами, сосуществовать в рамках одних и тех же синагог и молельных домов им удавалось с большим трудом. Это приводило к открытию беженцами новых молельных домов, как правило, располагавшихся на квартирах. Тем не менее, единая московская община продолжала существовать. Руководство общины в лице Хозяйственного правления для еврейских молитвенных учреждений, возглавляемого Давидом Высоцким, и еврейские общественные организации Москвы стремились включить в орбиту своей деятельности новоприбывших евреев. Специально помощью беженцам занимался Еврейский комитет помощи жертвам войны, куда входило большинство наиболее заметных деятелей московской еврейской общины. Ряд лидеров беженцев были допущены в местные еврейские властные структуры. Так, раввин из Митавы (ныне Елгава в Латвии) Мордехай Нурок¹ стал заместителем председателя Хозяйственного правления.

Прибытие большого количества евреев из Прибалтики внесло свежую струю в религиозную жизнь города. Благодаря им город на время превратился во всероссийский религиозный центр литовских евреев. Резко усилились и позиции *любавичских хасидов. В длинном списке оказавшихся в Москве религиозных деятелей можно выделить такие имена, как Шмуэль Менахем Файн, Менахем Мендель Либерман, Аба Давид Гольдфайн. Среди городов Московской губернии особая ситуация

сложилась в Богородске. Здесь была создана литовская (т.е. митнагедская) *иешива² и осело много выходцев из Прибалтики. Главным раввином города стал Яков Клемес, бывший до этого раввином в ряде местечек Ковенской губернии. Кроме того, в Богородске жили раввины Авраам Аарон Бурштейн, Давид Моше Вальбаринский³ и др. В условиях войны иешива стала одной из самых уважаемых среди литовских евреев. Сюда приезжали учиться из многих городов, где жили беженцы.

Расцвет деятельности прибалтийских евреев в Москве приходится на 1917 г. Февральская революция сняла какие-либо административные ограничения на проживание в Москве. Это позволило многим евреям из Московской губернии и других районов России переселиться в столицу. В результате этого число евреев в городе составило 60 тыс. человек, что было в 4 раза больше показателя 1914 г. При этом значительную часть московских евреев составляли именно беженцы из Прибалтики. Весной 1917 г. при активном участии религиозных деятелей из Прибалтики была создана религиозно-сионистская партия «Масорет-ве-Херут» («Традиция и свобода»), председателем которой стал Мордехай Нурок⁴. На выборах в совет общины, прошедшие осенью 1917 г., эта партия заняла второе место, уступив только *сионистам⁵, в результате получив 7 мест из 45. Сионисты получили 18 мест⁶. Председателем общины стал *общественный раввин Москвы Яков Мазе⁷, а одним из его заместителей и одновременно председателем комиссии по религиозным делам — М. Нурок⁸. В 1917 г. прибалтийским евреям удалось стать важной составной частью московской общины, при их участии создается целый ряд общинных учреждений, открываются новые молельные дома и т. д.

Октябрьская революция и Гражданская война в корне меняют ситуацию. Многие евреи покидают город. К 1920 г. еврейское население Москвы сокращается до 28 тыс. К 1923 г. большинство евреев из Прибалтики, оказавшиеся здесь во время войны, уехали. Оставшиеся религиозные евреи группируются в основном в Хоральной синагоге и одной из главных митнагедских молелен — Арбатской. Во внутриобщинной политике они занимают промежуточное место между старой общинной аристократией и прибывающими в город мигрантами с Украины, в большинстве своем хасидами. В условиях жесточайшего прессинга со стороны советской власти лидеры прибалтийских евреев Москвы приняли решение поддержать *Любавичского Ребе Иосифа Ицхака Шнеерсона⁹ и возглавляемый им Ваад-Рабаней (полулегальный комитет раввинов. — *Ред.*) СССР. Московская община, возглавляемая раввинами Я. Мазе и Шмуэлем Рабиновичем, первоначально выступила против ребе. Однако, когда после смерти Я. Мазе в 1924 г. и Ш. Рабиновича в 1925 г. встал вопрос о выборе нового главного раввина Москвы, выяснилось, что приемлемую кандидатуру подобрать не так просто. Яков Клемес, в то время член правления Московской еврейской религиозной общины (МЕРО), к которому руководство МЕРО обратилось с предложением занять пост главного раввина сразу после смерти Рабиновича, отказался от этого и продолжил предпринимательскую деятельность (у него был пивоваренный завод)¹⁰. Другой кандидатурой был Аба Давид Гольдфайн, зять известного хасидского раввина Иосифа Розина (Рогачевера)¹¹. Сам Рогачевер в это время уже давно был *хабадником и одним из ведущих сотрудников Любавичского Ребе в Ленинграде. Его зять пользовался заслуженной славой как знаток еврейской религиозной литературы, но в то же время было известно, что он плохо ориентируется в вопросах повседневной жизни, что было совершенно необходимо в то время раввину такого центра, как Москва. Кандидатуру раввина А. Д. Гольдфайна поддерживали просвещенные деятели правления, что было расценено как

надежда на беспрепятственное руководство общиной, раввин которой не разбирается в практической деятельности. Однако Ребе отказался поддержать Гольдфайна. В условиях, когда сторонники И. И. Шнеерсона уже составляли значительную часть общины Хоральной синагоги, этот отказ привел к патовой ситуации. Ни лидеры правления — представители старой московской общины Альберт Фукс и Михаил Брауде, ни хасиды не смогли найти кандидатуру, устраивавшую обе стороны. Лишь в 1927 г. после согласия Клемеса на очередное предложение занять пост раввина удалось провести выборы. Вторым кандидатом на них был все тот же Гольдфайн.

Хотя мы мало знаем о позиции прибалтийских евреев во время этих выборов, можно предположить, что большинство из них поддержали Клемеса. После отъезда М. Нурока в 1921 г. в Латвию Клемес стал признанным лидером религиозной части прибалтийских евреев Москвы. Во время выборов им должно было импонировать и то, что наряду с хорошим знанием еврейской религиозной литературы он обладал большой энергией и опытом практической деятельности. Большую роль играло также то, что его поддержал Любавичский Ребе И. И. Шнеерсон. Объединение хабадников, прибалтийских и украинских евреев привело к тому, что Клемесу удалось одержать победу на выборах и стать главным раввином города¹². А. Д. Гольдфайн стал председателем раввинского суда. Вскоре после избрания Клемес вошел в руководство Ваад-Рабаней СССР, а после отъезда из страны Любавичского Ребе стал одним из главных его лидеров, наряду со новозыбковским (на Брянщине) раввином Шломо Иосифом Зевиным, слонимским (Белоруссия) раввином Езкелем Абрамским, минским раввином Менахемом Глускиным и некоторыми другими. Таким образом, к концу 20-х гг. мы можем говорить о том, что прибалтийские религиозные евреи занимают в Москве совершенно особое место. Будучи в основном не хасидами, они поддержали Любавичского Ребе и сумели стать тем мостом, который соединил противоборствующие лагеря в московской еврейской общине. Во многом благодаря им конфликт между просвещенным руководством общины и традиционными настроенными хасидами не перерос в открытое противостояние. Единство общины было сохранено.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. прим. 3 на с. 7.

² *Михлин Э. Га-Гахелет*. Иерусалим, 1986. С. 28. (На ивр.).

³ *Гройбарт И.Л.* Сефер Зикарон. Лодзь, 1926. С. 103—104. (На ивр.).

⁴ Российская еврейская энциклопедия. М., 1995. Т. 2. С. 340.

⁵ Имеется в виду Сионистская организация России.

⁶ *Бейзер М.* Евреи Ленинграда. Москва; Иерусалим, 1999. С. 187.

⁷ *Мазе Яков* (1859—1924) — общественный деятель, раввин, публицист; получил юридическое образование в Московском университете. С 1893 г. *казенный раввин Москвы, после Февральской революции один из руководителей Совета еврейских общин России, депутат Учредительного собрания. В годы советской власти выступал против ограничения еврейской религиозной жизни. — *Ред.*

⁸ Российская еврейская энциклопедия. Т. 2. С. 340.

⁹ См. прим. 1 на с. 97.

¹⁰ *Геришуни А. А.* Йегудим ве йегадут бе Брит Га-Муацот. Иерусалим, 1970. С. 76. (На ивр.).

¹¹ *Гринбаум А.* Рабаней Брит Га-Муацот бейн мелхамот гаолам, 1917—1939. Иерусалим, 1994. С. 15. (На ивр.). См. также прим. 4 на с. 7.

¹² *Михлин Э.* Указ. соч. С. 59.